

Casus Belli

A person with short blonde hair, wearing a dark blue or black coat and tan boots, stands on a dark, rocky path overlooking a vast, blue ocean. The person is seen from the side, looking out towards the horizon. The background shows a coastline with some buildings in the distance under a clear sky.

Роман Воликов

Роман Воликов

Казус Белли

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Воликов Р.

Казус Белли / Р. Воликов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Бог, что считает минуты и деньги, бог, отчаявшийся, похотливый и хрюкающий, что валяется брюхом кверху и всегда готов ластиться - вот он, наш повелитель. Падём же друг другу в объятия.

CASUS BELLI

«Бог, что считает минуты и деньги, бог, отчаявшийся, похотливый и хрюкающий, как боров, что валяется брюхом кверху и всегда готов ластиться – вот он, он наш повелитель.

Падём же друг друга в объятия».

Л.Ф.Селин

УТРО ТУМАННОЕ. РАЗ.

Она посмотрела на часы. Начало девятого, в Барнауле день в разгаре. Она тихонько вздохнула и едва не расплакалась. Какого рожна я припёрлась в Москву? Юлька, сволочь, уговорила, прилетай, посмотришь, как я живу. Она недолюбливала старшую сестру. Вообще-то, никаких конкретных причин для этого не существовало. Когда Юлька заканчивала школу, она была сопливой пятиклассницей и смотрела на длинноногую сестру с известной долей зависти. Она росла, Юлька каждое лето неудачно пыталась поступить в театральный, на зиму возвращалась в Барнаул, спала до обеда, потом до поздней ночи таскалась по друзьям-знакомым. Отец недовольно хмурился и однажды закатил Юльке скандал – хватить сидеть у меня на шее, устраивайся на работу, давай возьму нормировщицей на радиозавод. Юлька взбрыкнула и переехала к маминной бабушке – в комнату в коммунальной квартире в старом обшарпанном доме.

Она поднялась с дивана и осторожно, на цыпочках, прошла в сторону спальни. Юлька спала, завернувшись с головой в одеяло. Кирилла рядом не было. Интересно, когда ушёл, подумала она, я не слышала.

За месяц до приглашения в гости Юлька обрадовала – наконец-то личная жизнь налаживается. Я встретила хорошего человека, сказала Юлька в телефонном разговоре. Хороший в её понимании означал богатый. Мы живём вместе почти год. Он был женат, буквально на днях добился через суд развода, планируем подать заявление в ЗАГС. Пока снимаем квартиру, он оплатил взнос в шикарную новостройку на Чистых Прудах, до конца года обещают закончить дом. Приезжай, ты уже сто лет не была в Москве.

Она рассказала новости отцу. Отец отреагировал сдержанно, но было видно, что он рад за старшую дочь. В субботу, когда всей семьёй – она, Паша и болтунишка Настя (до трёх лет молчала будто немая, а потом как разговорилась) как обычно пришли к нему в гости, отец выпил лишнего и, позвав на кухню, зашептал, не сдерживая эмоций: «Я уж думал, Юля в шлюху превратится. Или того хуже, сопьётся как мать. Слава богу, нашёлся человек, который её терпеть будет».

Она посоветовалась с Пашей, уговорила Настю пожить неделю вместе с папой у свекрови и полетела, в Москве она в самом деле давно не была, последний раз шесть лет назад, когда с Юлькой они возвращались из того проклятого турне по Румынии. Впечатлений, полученных в горном отеле в Карпатах, где Юлька работала стриптизёршей, а она вообще непонятно кем, официально – консумат, ей оказалось предостаточно, практически сразу по возвращению в Барнаул она откликнулась на предложение своего давнего, едва ли не с детского сада, ухажёра, в первую брачную ночь залетела и через девять месяцев благополучно разрешилась Настей, к искренней радости большой и дружной Пашкиной семьи. Перед приземлением она зашла в самолётный туалет и внимательно изучила себя в зеркале. Какая красивая девушка, подумала она, и всего-навсего двадцать четыре года.

Покурить бы сейчас, она поискала на кухне сигареты. В пепельнице лежало несколько окурков. Когда же он ушёл, ей стало в конце концов просто любопытно, можно сказать, сбежал, так тихо, она даже не услышала стука входной двери. Она брезгливо взяла пальчиками окурков и бросила его обратно в пепельницу. Господи, что же теперь делать?

Юлька встретила в аэропорту, одета неброско, но по высшему разряду. Чувство стиля у неё врождённое, подумала она и вспомнила, как лет в четырнадцать сестра отправилась по

звонку подружки за импортными сапогами куда-то в алтайскую глушь, два часа на электричке от Барнаула, зимой, в мороз, в пургу. Отец едва с ума не сошёл, поднял на уши знакомых милиционеров, Юлька заявила домой в одиннадцатом часу вечера, сияющая, с желанной добычей в сумке.

На новогодние каникулы были в Париже, сказала Юлька, неделя по бутикам, у меня и для тебя подарки приготовлены. Они едут в шикарном чёрном автомобиле, водитель безукоризненно вежлив и подтянут. Чем он занимается, спрашивает она. Кирилл, Юлька лениво смотрит на запруженную кольцевую дорогу, что-то связанное с сахаром, пароходы, заводы, плантации, на Кубу часто летает. Но нормальный, добавляет Юлька, в театр ходит, книжки читает, баню не любит, хотя у него в загородном доме есть. Сколько ему, спрашивает она, внутренне приготовившись услышать возраст молодящегося дедушки. Тридцать три, улыбается сестра, почувствовав скрытую интонацию вопроса, отличный возраст начинать новую жизнь с новой женой.

Может быть, ей это приснилось? Она сидит на диване, растерянно соображая, как лучше поступить. Наверное, правильнее всего собрать сумку и уехать в аэропорт, пока Юля не проснулась. Пусть сама со своим хахалем разбирается, без меня.

Познакомьтесь, сказала Юлька, Тоня, моя младшая сестрёнка. Время семь вечера, она выпалась, побалдела в ванне, надушилась юлькиными парижскими духами и готова к вечерней московской жизни. Отлично, говорит Кирилл, на Остоженке открылся новый ирландский паб, поехали, девчонки, в этом городе надо осваивать заведение быстро, пока не испортилось. Сколько же они пьют, думает она, а он своеобразный, на немца похож, не сказать, что красавец, скорей сказывается благотворное воздействие немеряного количества денег, глаза странные, так вроде нормальные, и вдруг не с того ни с чего колючие и резкие как рентгеновский луч. Он же бизнесмен, зачем-то она оправдывает его, если они так каждый день пьют, это просто ужас.

Она с наслаждением падает на диванчик в гостиной, куда её определили, нет, я не напилась, просто в Барнауле уже глубокая ночь. Из приглушённой дали пространства слышно, как Юля и Кирилл негромко беседуют на кухне.

Она просыпается о того, что что-то, твёрдое и горячее, трётся о её щеку. Она открывает глаза, перед ней голый Кирилл улыбается уверенной улыбкой. Это не Юля, это Тоня, бормочет она. Вижу, что Тоня, Кирилл ловко садится сверху и приставляет член к губам, соси. Ты что, она хочет произнести слова возмущения и вдруг с ужасом понимает, что его член у неё во рту. Она мычит, Кирилл, схватив одной рукой за волосы, методично долбит. Ей кажется, что она наблюдает со стороны, как его проворные руки снимают трусики и напряжённый член входит в неё. Она вцепляется зубами в подушку, чтобы не закричать. Скорей бы кончил, думает она, лишь бы Юлька не проснулась, ну, я и попала. Он кончает ей на лицо, молча слезает и уходит.

Как голова болит, Юлька стоит в дверном проёме, ненавижу эти пивнушки, ты не знаешь, когда Кирилл ушёл? Не знаю, отвечает она, я только проснулась. Вот у него здоровье лошадиное, говорит Юлька, полночи может пить, а с утра пораньше огурцом на работу. Да-да, невнятно отвечает она. Ты чего не в настроении, спрашивает сестра. Плохо себя чувствую, ты отвезёшь меня в аэропорт? А что случилось, искренне удивляется Юлька. Паша позвонил, его мама заболела, она выпаливает первую пришедшую в голову мысль, просил срочно приехать. Ну, ладно, говорит Юлька, жаль, сама не повезу, попрошу Кирилла, чтобы прислал машину, только не сейчас, я ещё посплю, в Барнаул ведь вечерний рейс.

Она слоняется по гостиной, бесцельно, не в силах сообразить, что же надо делать, позавтракать и пойти погулять по Москве, собрать дорожную сумку, придумать, в конце концов, объяснение для всех, почему она внезапно вернулась обратно. А вдруг Паша сейчас позвонит? Она отключает телефон, скажу, что разрядился, а я и не заметила. Долго эта корова будет спать? Она ложится на диванчик, подремлю немного.

Она просыпается от звука работающего телевизора. Юлька сидит в кресле. Странно, не могу дозвониться Кириллу, мобильный выключен, секретарша ответила, что уехал на встречу.

Сколько время, спрашивает она. Три часа, говорит Юлька, тебе в аэропорту во сколько надо быть? Не позже семи, мне ещё билет надо купить. Юлька набирает номер на своём телефоне, выключен, чудеса да и только, первый раз такое за время нашего близкого знакомства. Я сварю кофе, говорит она, ты будешь? Мне без сахара, говорит Юлька.

Она разливает кофе по чашечкам, когда на кухню входит Юлька. Чертовщина какая-то, у сестры злое, напряжённое лицо, мобильный по-прежнему выключен, я дозвонилась его секретарше, та уверяет, что Кирилл улетел в командировку в Новороссийск. Просто бред, он мне ни слова вчера не сказал, ночью всё было нормально? Вроде да, отвечает она, я спала, ничего не слышала, ты не волнуйся, я сама доеду до аэропорта, пойду, сумку соберу. Ну-ка, посмотри мне в глаза, говорит Юлька, что-то ты темнишь. Ничего я не темню, говорит она, но глаза предательски косятся в сторону.

В чём дело, юлькины губы сжаты в узкую полоску, говори. Ни в чём, она мрачно ставит кофейную турку на стол, ночью он меня изнасиловал. Нормально, говорит Юлька, просто потрясающе, вот козёл вонючий. Я не виновата, говорит она, я проснуться не успела, как он на меня забрался. Сволочь, говорит Юлька, когда с ним познакомилась, ещё тот был кобель – две девки, три девки в одну койку, меня на групповуху склонял. Думала, что успокоился. Успокоился, как же.

Я не виновата, повторяет она, мне лучше улететь в Барнаул. Скотина, говорит Юлька, я на него год жизни потратила, пусть заплатит. Ну, я не знаю, говорит она, это ваши дела. Так просто не заплатит, говорит Юлька, я эту мразь хорошо изучила, надо заявление об изнасиловании писать. А что я Паше скажу? Паша не узнает, уверенно говорит Юлька, ты же заявление в московскую милицию подашь. До суда дело не дойдёт, выложит кругленькую сумму, чтобы скандал замять, одевайся, тут отделение недалеко находится, надо направление на медэкспертизу получить, пока сперма из организма не выветрилась.

А спермы в организме нет, говорит она, он мне на лицо кончил. Ах, ты блядь, кричит Юлька, может, ты и ножки добровольно раздвинула? Сама ты блядь, огрызается она, связалась неизвестно с кем. Не всем же замуж за тракториста в Барнополе выходить, кричит Юлька, распаяясь. Вот сука, подумала она, это так про Пашу, сына владельца частной автобазы, хорошо, что её не было на свадьбе, Юлька тогда торчала в Москве, по телефону намекнула, что с деньгами худо, на билет не хватит, а она сделала вид, что не поняла намёка. Да пошла ты, она торопливо собирает сумку, ноги моей здесь больше не будет. Вот расскажу твоему рогатику, как жёнушка в Москве себя вела, шипит пунцовая от злобы Юля. Ах, ты тварь, она с размаху даёт Юльке пощечину, только посмей. Юлька бросается на неё с кулаками, они возятся несколько минут, Юлька резко отталкивает её и уходит на кухню.

Очумевшая, она заталкивает вещи в сумку, одевается и выскакивает из квартиры. Вдохнув на улице морозного февральского воздуха, лихорадочно проверяет сумочку, слава богу, паспорт не потеряла. Возле неё останавливается шикарный чёрный автомобиль. Девушка, вы не подскажете, как пройти в библиотеку? Что, она оборачивается на голос, с водительского сиденья на неё смотрит с уверенной улыбкой Кирилл. Если в аэропорт, могу подвезти...

УТРО ТУМАННОЕ. ДВА.

Её снял Петя. Правильно подбирая выражения, любезно предложил подвезти. Она голосует на Спиридоновке, вот-вот начнётся дождь, зонтика, разумеется, с собой нет. В жизни он ещё толще, чем на экране, думает она, забираясь в огромный как вагон джип, сейчас предложит заехать к нему в гости. Куда, по-барски спрашивает Петя. Улица космонавта Волкова, говорит она. Возле Войковской, уточняет Петя, хорошо, как раз по дороге, я живу у Белорусского вокзала. Разумеется, думает она, только я сомневаюсь, что под такой толщей жира хоть что-нибудь шевелится. Модель, спрашивает Петя. Актриса, заканчиваю курс Васильева в ГИТИСе. У самого Васильева, Петя притормаживает от неожиданности. Ну, не совсем, стесняется она, у одного из его педагогов, сам Васильев в основном за границей, ставит. После окончания

будешь в его театре работать? Не уверена, она уныло смотрит на дождь, заливающий улицы, в его театре свободных вакансий нет, в других – наших не любят. Приезжай вечером в гости, говорит Петя, у меня сегодня как раз небольшая тусня, актёры, режиссёры, бизнесмены, кое-кто из наших перцев-рокеров. Обзаведёшься полезными знакомствами.

Она рассматривает нижнее бельё. Эти прикольные трусики ей подарили на одном из показов. Менеджер, по виду чистый гомик, вручил упаковку с таким видом, будто она просто обязана тут же отдаться на подиуме. Смешно, сзади одна ниточка, спереди свободный лоскуток, приподняла невзначай и вот она, заветная пещерка. Сегодня, что ли, надеть?

С Петей она, конечно, трахаться не будет, перебьётся, вонючий рокер, наверняка, нищета, одни понты, тем более что Макаревич выгнал его из «Машины» за наркоту. Как мне осточертели эти свободные художники. Вчера звонила хозяйка квартиры из своего сранного Брно, Юля, ты задолжала за пять месяцев, так никуда не годится, ты же утверждала, что с тобой подписали контракт на съёмки во французском фильме, извини, я спросила у девчонок в театре, те только посмеялись. Однушку в хрущобе ей сдала бывшая театральная художница, старая вобла, которая выскочила замуж за толстого и нудного словака. Подождёшь, думает она, нормальный человек в такой халупе даром жить не станет, клетушка пять на три, старый, проёбаный не одним поколением диван, унитаза протекает, лишний раз посрать не сходишь. Как же мне это надоело, ни славы, ни денег.

Среди компании Петиных приятелей она чувствует себя полной дурой. Нет, она, конечно, не ханжа, ничего не имеет против употребления кокаина, с достойным человеком могла бы и нюхнуть, но не с этими же рожами. Она догадывается, как вышедший в тираж Петя зарабатывает на жизнь и на кокс: знакомится в кабаках с озверевшими от бизнеса чуваками и зазывает участвовать в богемной жизни. Трудяги бывшие провинциалы честно верят, что богемная жизнь это когда долбишься в три часа ночи и просыпаешься в два часа дня. Лёгкие разговоры об искусстве и персонажах с малознакомыми фамилиями и красивые тёлки в качестве зазывалок, никакой меркантильности, всё только по любви. Сегодня зазывалкой выступаю я, думает она, ну, спасибо, Петруша, удружил, сука. Трудяги бросают на неё конкретные взгляды – триста баксов, фифа, больше семейный бюджет не велит.

А мы в театре репетирует Бёлля, говорит она, больше для того, что доказать самой себе, что она не такая. В образовавшейся тишине она слышит голос. «Глазами клоуна» или другую его вещь? Не предполагал, что российские театры когда-нибудь доберутся до Бёлля. Она смотрит на владельца голоса. Видимо, он пришёл недавно, она не помнит его среди прочих гостей. В восстановившем гвалте он подсаживается рядом. Кирилл, говорит он, предлагаю свалить. Куда, она не успевает сообразить. В китайский ресторан в гольф-клубе, он работает всю ночь. Или ты предпочитаешь оставаться в этом гадюшнике?

Она пьёт на кухне коньяк. Какого рожна я позвала в гости эту суку, свою сестру? Согласитесь, какой бред, малыш покуролесил и исчез вот так, в утреннем тумане, как будто не было вместе прожитого года, её истерик по поводу его жены, неоднократных мыслей, а не послать ли к чёртовой матери эту нарождающуюся семейную жизнь, она талантливая актриса, просто пока её не заметили, но это только пока.

Тогда в ресторане гольф-клуба они тоже пили коньяк, ели потрясающе вкусное китайское мясо на шипящей сковороде, он решил, что она совсем пьяная и вывел прогуляться на ночное поле. Пообнимаемся, поцелуемся, она была совсем не против, Кирилл обнял, поцеловал в губы и резко поставил на колени. Да ладно, подумала она, и приняла член в рот. Она помнит, как лежала на брошенном на землю пиджаке и видела звёзды, потом стояла раком на том же пиджаке и заманчиво улыбалась двум охранникам, торчавшим далеко-далеко на балконе ресторана и не скрывавшим, что им не впервой наблюдать такую сцену.

Она посмотрела на календарь. Двенадцатое февраля, следующий платёж за квартиру через две недели. В огромном, жёлтой кожи, довоенном чемодане, доставшемся в наследство

от покойной прабабки, колесившей с ним по Сибири с мужьями, которых она сменила не одну дюжину, на самом дне, под ворохом старой одежды, в пакетике Dolce&Gabbana она хранила сбережения, которые отщипывала от сумм, выпрошенных у Кирилла. Она пересчитала, интересно, какой сейчас курс, в любом случае, не больше двух тысяч долларов. На какое-то время хватит, а что потом?

Что потом? На момент знакомства с Кириллом она стояла на таком же перепутье. Обучение в ГИТИСе заканчивалось, Васильев не собирался никого нового набирать в штат, ходили упорные слухи, что он и вовсе собирается покинуть собственный театр и уехать навсегда во Францию. Она подкатила было к главному ученику Васильева, из конфликта которого с мастером вся труппа жил в надломе, но главный ученик был слишком занят организационными распрями и слишком увлечён новой женой. Оставался ещё немец Александр, милый шваб, как называли его в театре, приехавший в Москву на шестимесячные курсы актёрского мастерства. Он влюбился в неё сразу, она покочевряжилась для приличия, и стала с ним спать. Прошлым летом они вместе съездили в Германию, родители Александра вежливо, но конкретно дали понять, что считают её обычной русской проблядью. Александр был влюблён настолько, что готов был положить с прибором на мнение родителей, но, милый мой шваб, ты такой же безработный актёр, как и я, без финансовой помощи предков нас ждёт, в лучшем случае, скромная халупа в мусульманском квартале Берлина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.